

Герои всегда одиноки

За любую услугу полагалось платить, и Чу Цы, не желая оставаться в долгу, отдал часть белой холстины Чэнь Цзыфану, попутно намекнув на печальные вести из столицы.

Чэнь Цзыфан поначалу опешил от неожиданности, но быстро взял себя в руки. Поспешно поблагодарив, он подхватил свёрток и поспешил к себе в келью.

Оставшуюся ткань юноша отобрал, чтобы отнести учителю Циню. Он полагал, что наставник ещё не знает о случившемся — в лучшем случае до него доходили слухи о слабеющем здоровье государя.

— Супруга учителя, студент снова пришёл потревожить Ваш покой, — с улыбкой поприветствовал он женщину и, освободив руки, передал ей подношение.

Супруга учителя Циня заглянула ему за спину и, обнаружив, что он пришёл один, спросила:

— Почему же ты не взял с собой Сяо Юаня и Юй-эра? Мне как раз привезли свежие плоды в сахаре, хотела их угостить. Ну да ладно, на обратном пути возьмишь немного с собой.

Чу Цы невольно подумал, что эти двое сорванцов пользуются куда большей любовью, чем он сам. Стоило лишь раз привести их после обустройства, как они тут же завладели сердцем доброй женщины.

Впрочем, оно и понятно: чета Цинь уже много лет жила вдвоём, их собственные дети давно разъехались, и в доме было пусто. Как же им было не привязаться к двум живым, смыслённым и милovidным мальчишкам? Даже у самого Чу Цы порой щемило сердце от их невинного очарования.

Лишь закончив говорить, хозяйка обратила внимание на то, что именно принёс гость. За долгие годы жизни с мужем она стала куда проницательнее обычных женщин. Увидев белую холстину, она с сомнением указала пальцем в небо. Чу Цы молча кивнул, и она тут же тяжело вздохнула.

— Твоего наставника сейчас нет в академии, — печально проговорила она. — Думаю, вернётся только к вечеру. Приходи тогда вместе с ребятами на ужин.

— Не стоит утруждать, матушка, — с улыбкой возразил Чу Цы. — Эти двое в последнее время без ума от жареных маленьких желтых горбылей, которых начали подавать в столовой. Узнав, что сегодня они снова в меню, они еще с утра начали потирать руки в предвкушении.

Она явно расстроилась. В конце концов, жарить карасей она тоже умела! Ну, может, стоило лишь немного попрактиковаться.

Прихватив коробочку с засахаренными плодами, Чу Цы вернулся в свою комнату. Сегодня было первое число третьего лунного месяца — день новолуния, когда в уездном училище полагался выходной.

Едва подойдя к дверям, он услышал доносившийся изнутри шум потасовки, но стоило ему переступить порог, как он застал обоих мальчиков чинно сидящими за столами над учебниками. Впрочем, присмотревшись, он заметил, что причёска Чжунли Юя съехала набок, а одежда племянника была в беспорядке. Сомнений не было: мгновение назад они тузили друг друга.

— Дядя, ты вернулся! — Сяо Юань с деланным восторгом обернулся и одарил Чу Цы заискивающей улыбкой.

— Дядя Чу, — сладко пропел Чжунли Юй.

— Ну что, уроки сделаны? — задал юноша вопрос, ответ на который знал заранее.

— Дядя, осталось совсем чуть-чуть! До ужина точно закончим, — заверил Сяо Юань.

— Да-да, точно! — закивал малыш.

— Что ж, хорошо. Но учтите: если к ужину всё не будет готово, карасей вы не получите, — мягко произнёс Чу Цы.

Мальчики тут же притихли и, вцепившись в кисти, принялись строчить с невероятной скоростью.

Однако Чу Цы просчитался. Даже если бы они закончили всё вовремя, карасей им было не видать. Незадолго до этого уездный начальник официально объявил о государственном трауре. Свежеподжаренную рыбу пришлось вынести на задний двор училища — на радость откормленным диким котам, которым, в отличие от людей, не нужно было соблюдать траур. Те уплетали угощение, довольно урча.

Ужин состоял из простых овощей, без капли жира или мяса. Племянник, впрочем, неожиданно нашёл в этом вкус родного дома и уплетал еду за обе щеки.

Чжунли Юй, хоть и был мал ростом, обожал мясо. Поначалу у него совсем не было аппетита, но, глядя, с каким удовольствием ест Сяо Юань, он и сам незаметно опустошил миску риса. Если бы это видел управляющий Сюй, его сердце наполнилось бы радостью.

Когда Чжунли Юй потерял мать, ему надлежало соблюдать траур три года. Но мать, жалея дитя, перед смертью наказала ему заменить годы месяцами. За те три месяца строгого поста мальчик так исхудал, что его личико стало совсем крошечным.

Поистине, детям лучше всего расти среди сверстников.

Оба сорванца наелись, а вот сам Чу Цы едва заставил себя проглотить хоть ложку. Глядя на его едва тронутую еду, мальчики переглянулись и, словно сговорившись, принялись хором декламировать стихи «О горести крестьянина», напоминающие о ценности каждого зерна.

Под эти ритмичные наставления Чу Цы, едва не роняя слёзы, доел ужин. Увы, тот, кто призывает других к воздержанию, должен быть готов сам вкусить его плоды.

Учитель Цинь вернулся поздно вечером. Когда Чу Цы зашёл к нему, наставник как раз ужинал. Перед ним стояла простая еда без мяса, а рядом — кувшин для вина.

Гость вздрогнул, собираясь предостеречь учителя, но вовремя заметил, что в кувшине была обычная вода.

— Эх... Двенадцать лет назад государь совершал поездку по южным землям. Я тогда учился в окружном училище, и меня выбрали представлять студентов. Помню, как удостоился чести лицезреть лик Его Величества — у меня тогда так дрожали колени, что я чуть не опозорил всё училище. Государь был полон сил, его мощь внушала трепет. Но при этом он был милостив. Даже к нам, самым обычным студентам, он проявлял доброту. До сих пор помню его слова: «Когда отточите слог, настанет час служить престолу. Трудитесь усердно, дабы скорее стать опорой государства». Эти слова всё ещё звучат в моих ушах, а человека уже нет...

Учитель сделал глоток воды и горько усмехнулся:

— Тогда я пал духом, так и не дойдя до дворцовых экзаменов, и предал надежды государя. А теперь, когда он ушёл в небесные чертоги, у меня больше нет надежды когда-либо предстать пред его очами в столице.

Учитель Цинь то ли изливал душу Чу Цы, то ли просто пытался выговориться. Юноша сидел рядом, не проронив ни слова, лишь изредка подливая наставнику воды.

Ему было трудно до конца понять эти чувства — преданность государю и стране здесь казалась куда глубже и острее, чем в привычном ему мире. В конце концов, в эпоху бесконечных войн человек, сумевший подарить народу мир и покой, становился для людей всем.

Узнав о кончине императора, Чу Цы лишь размышлял: займёт ли трон второй принц, тот

самый, что издал от имени отца «Указ о признании вины», или же грядёт кровавый переворот?

Другие книжники, возможно, тоже предавались печали, но их скорбь обычно длилась лишь до воцарения нового монарха — пока у них не появлялась новая точка опоры.

Уездный начальник созвал наставников всех академий и училищ в управу. По случаю траура каждый уезд обязан был ежедневно сжигать по сто поминальных текстов — цзивэнь, вознося молитвы о том, чтобы душа покойного императора скорее обрела покой в высших мирах.

Эти тексты писались в двух экземплярах: один сжигали, другой оставляли в архивах для будущих проверок.

Это означало, что в ближайшие пятнадцать дней занятий не будет. Училище предоставило студентам выбор: остаться и заниматься самостоятельно или отправиться домой и вернуться уже после окончания траура, когда на трон взойдёт новый император.

Чу Цы решил вернуться в деревню. Он выправил отпуск для Сяо Юаня и Чжунли Юя, а затем отправился прощаться с учителем Цинем.

Наставник уже не казался таким подавленным, как накануне; к нему вернулась его обычная сдержанность.

— После восхождения на престол новый государь по обычаю объявит Энькэ — дополнительные экзамены. В восьмом месяце этого года у тебя будет шанс проявить себя. Я заметил, что в последнее время ты стал не так прилежен в учёбе, а потому подготовил для тебя задания. Сделай их дома и принеси мне, когда училище откроется вновь.

— Слушаюсь! — серьёзно ответил Чу Цы.

Раньше он думал, что у него в запасе три года, и позволял себе немного расслабиться. Но теперь возможность была совсем рядом — до провинциальных экзаменов оставалось всего пять месяцев. Нужно было собраться с духом и всерьёз браться за дело.

Сначала он проводил Чжунли Юя до поместья Коу. Управляющий Сюй встретил их у ворот и принялся настойчиво звать на обед. Чу Цы мягко, но твёрдо отказался, и тогда Сюй распорядился подать экипаж, чтобы отвезти их домой.

Это пришлось как нельзя кстати. Юноша не хотел беспокоить друзей, Чжана и Фана, и

собирался нанять повозку у извозчиков. Но узнай они об этом, наверняка бы обиделись на такую холодность. То, что управляющий Сюй решил этот вопрос, избавило его от лишних забот.

Чжунли Юй тоскливым взглядом провожал их к экипажу. За те полмесяца, что они провели вместе, он уже начал считать их своей семьёй и теперь не хотел расставаться.

— Юй-эр, не забывай каждый день делать уроки. Когда вернёмся в училище, я всё проверю, — добавил Чу Цы, приподняв занавеску.

— До свидания, дядя Чу! До свидания, братец Сяо Юань! — тут же замахал руками мальчик.

Старший из ребят лишь что-то невнятно буркнул в ответ.

— Сяо Юань, мне кажется, или ты относишься к Юй-эру не слишком дружелюбно? — спросил Чу Цы, когда они тронулись в путь.

Наблюдая за ними в училище, он заметил, что Чжунли Юй всячески старается угодить товарищу, а тот в ответ лишь держится особняком. При посторонних дядя не хотел заводить этот разговор, но теперь решил прояснить ситуацию.

— Да нет же, — упрямо ответил мальчик.

— Да всё я вижу, — усмехнулся Чу Цы. — Уж не ревнуешь ли ты? Думаешь, дядя стал относиться к нему лучше, чем к тебе?

— Вовсе нет!!! — племянник прибавил голосу, спеша опровергнуть догадку.

— Хорошо-хорошо, нет так нет. Тогда почему же он тебе не по душе?

Видя, что Чу Цы спрашивает всерьёз, он нехотя пояснил:

— Он какой-то... мягкотелый. Совсем не похож на мальчишку. Мне с ним неинтересно.

В этом возрасте мальчишки ценят силу. Им нужны товарищи, с которыми можно вместе проказничать, вместе попадать в переделки и вместе получать нахлобучку от старших. Большинство его друзей в деревне были именно такими.

— Сяо Юань, нельзя так говорить о других. Юй-эр воспитан и вежлив, разве это значит — мягкотелый?

— Именно это и значит! — с досадой воскликнул Сяо Юань. — У него прячут вещи, а он молчит. Его обижают, а он и голоса подать не смеет.

— О чём это ты? Почему я ничего об этом не слышал? — выражение лица Чу Цы стало суровым. Похоже, Чжунли Юй столкнулся с травлей в училище, и если оставить это без внимания, последствия могли быть плачевными.

Тот лишь пожал плечами:

— К чему рассказывать взрослым? Нужно просто дать сдачи, а жаловаться — это позор.

Так и получалось: когда Чжунли Юй обнаруживал пропажу своей кисти, Сяо Юань с презрительным видом швырял её ему на стол. А если кто-то намеренно сбивал малыша с ног, обидчик вскоре сам являлся к нему с извинениями и в слезах. Такое случалось нередко, но Чжунли Юй, будучи существом тихим и доверчивым, даже не осознавал, что над ним пытались издеваться.

Выслушав объяснения племянника, Чу Цы не знал, смеяться ему или плакать. Глядя на Сяо Юаня, который сам кого угодно мог задира́ть, он не понимал, как втолковать ему вред школьной травли.

Как уже говорилось, в младший класс училища попадали дети из уважаемых семей — всё-таки плата в два ляна серебра в месяц была не по карману простому люду.

Дети из таких семей обычно были похожи на Чжунли Юя — чистенькие, нежные, точно белые кролики. Даже если у кого и был задиристый характер, в драке они были полными ничтожествами.

Сяо Юань был другим. С малых лет он привык таскать тяжести и косить траву, и сил у него было куда больше, чем у городских сверстников. К тому же, общая страсть к рогаткам сблизила его с Цинь Чжао. Раньше, когда Чу Цы не было дома, Цинь Чжао при каждом визите в Чанси брал мальчика с собой играть и поддался на его уговоры — обучил паре приёмов.

Попав в училище, такой сорванец стал подобен волку в кроличьем садке. Никто не смел перечить ему, боясь попасть под горячую руку.

Остальные дети в младшем классе тоже чувствовали себя обиженными. Все они жили при училище, проводили много времени вместе и, конечно, не жаловали тех двоих, что стали исключением. С какой стати все должны оставаться в казармах, а им позволено уходить домой?

Они не смели трогать Сяо Юаня, поэтому перенесли своё недовольство на Чжунли Юя. Увы, стоило им только задумать пакость, как защитник тут же это замечал и устраивал им хорошую взбучку.

Жаловаться учителю было бесполезно. Дети ещё не умели искусно лгать, и наставник без труда выпытывал правду. В итоге они сами возвращались в класс с опухшими от ударов линейкой ладонями, захлёбываясь слезами.

Чу Цы почувствовал себя бессильным. Ему оставалось лишь раз за разом повторять племяннику: если их не трогают первыми, нельзя задирать других, а уж тем более пускать в ход рогатку. Всегда нужно сохранять моральное превосходство — только тогда ты будешь непобедим.

Сяо Юань послушно кивал, но про себя думал: «Эти слабаки даже не стоят того, чтобы тратить на них рогатку».

Наверное, это и имел в виду Брат Цинь, когда говорил:

«Герои всегда одиноки».

<http://bllate.org/book/15354/1427958>